

МИЛОСЕРДИЕ СМЕРТИ

ИСТОРИИ О ТЕХ,
КТО ДЕРЖИТ РУКУ
НА НАШЕМ ПУЛЬСЕ

СЕРГЕЙ ЕФРЕМЕНКО

врач анестезиолог-реаниматолог

Сергей Владимирович Ефременко
Милосердие смерти.
Истории о тех, кто держит
руку на нашем пульсе
Серия «Профессия: врач.
Невыдуманные истории
российских медиков»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51790596

*Сергей Ефременко Милосердие смерти. Истории о тех, кто держит
руку на нашем пульсе:
ISBN 978-5-04-109862-9*

Аннотация

Если спросить врача-реаниматолога о том, почему он помнит только печальные истории, он задумается и ответит, что спасенных им жизней, конечно же, большинство... Но навечно в сердце остаются лишь те, кого ему пришлось проводить в последний путь.

Спасать жизни в России – сложная и неблагодарная работа. Бесцеремонность коллег, непрофессионализм, отсутствие лекарств и оборудования, сложные погодные условия – это лишь

малая часть того, с чем приходится сталкиваться рядовому медику в своей работе. Но и в самый черный час всегда остается надежда. Она живет и в сердце матери, ждущей, когда очнется от комы ее любимый сын, есть она и в сердце врача, который несколько часов отнимал его у смерти, но до сих пор не уверен, смог ли...

Истории в этой книге не выдуманы, а собраны по крупицам врачом-реаниматологом, который сделал блестящую карьеру в России и бросил все, когда у него попытались отнять самое ценное – человечность. Это честный рассказ о том, чего нельзя узнать, не поносив медицинского халата; о том, почему многие врачи верят в Бога, и о том, как спасение одной чужой жизни может изменить твою собственную.

Содержание

Воскресение в воскресенье	7
Я не хочу умирать	18
Боль	26
Кот	31
Сашка	35
Два вертолета	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Ефременко

Милосердие смерти

***Истории о тех, кто держит
руку на нашем пульсе***

Серия «Профессия: врач. Невыдуманные истории российских медиков»

Фото на обложке: Студия 8bit

Фотографы Павел Кулиш и Марк Торпан

В коллаже на обложке использованы иллюстрации
TopStudio, Medicine-R / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Ефременко С. В., текст, 2019

© Давлетбаева В. В., разработка макета, 2019

© Мегерян А. Л., фото, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Воскресение в воскресенье

Какого черта его понесло на ЛЭП-500, то ли «белочка» (она же белая горячка, она же *derilium tremens*, она же алкогольный делирий), то ли весеннее обострение тоски и депрессии – это теперь известно лишь ему самому да Господу Богу. Нам же, глядя на его полностью обгоревшее тело, со слов жены и бригады скорой помощи было известно, что этот здоровенный бугай под два метра ростом и весом килограммов этак сто двадцать вечером, как обычно, поколотив жену и погоняв соседей по бараку, внезапно изменил свой ежевечерний распорядок развлечений. Яростно крича и истошно матерясь, он внезапно понесся в сторону линии электропередачи высокого напряжения, мгновенно взлетел на одну из опор и кинулся на провода. Со слов очевидцев, горел он синим, неестественным пламенем, продолжая поносить отборным матом собравшихся зевак. Снимали его долго. Вначале пришлось обесточить линию, затем электрики совместно с пожарниками спустили обгорельца с опоры, и только спустя три часа после горения он был доставлен к нам в госпиталь.

Зрелище было страшным даже для нас, выдавших и не такое. Обугленное, покрытое черным струпом тело было похоже на картинки «инопланетян», хранящихся на одной из баз ВВС США. Запах гари и жареного мяса, агональное дыхание и истошный вой супруги обгоревшего порождали чув-

ство абсолютной безысходности и неотвратимости смерти.

Мы начали осторожно перекладывать пострадавшего на операционный стол в реанимационном зале.

Ожоговый струп трескался под нашими ладонями при каждом прикосновении к телу обожженного – перчатки в те времена были страшным дефицитом. Обнажавшиеся мышцы были коричнево-красными, но кровотечения не было. Кровь просто запеклась в сосудах. Мы все же успели перевести бедолагу на искусственную вентиляцию легких, закатетеризировать центральную вену и начать противошоковую терапию. Он умер через тридцать минут после поступления. Звали его Вася Беркутов, и было ему от роду всего сорок два годочка.

Параллельно в операционную поступил молодой практикант-пэтэушник из трамвайного депо. По неосторожности получил в лоб несильный удар бревном. Парень был в сознании, без неврологических расстройств, но при этом имел линейный перелом лобной кости справа. Рану на лбу обработали, и парня из операционной перевели в реанимацию под наблюдение, опасаясь проявления различных осложнений, будь то внутричерепные гематомы или судорожный припадок. Короче, как говаривали отцы-учителя – лучше перебдеть, чем не добдеть. Тем более травма у молодого пацана еще и производственная. Звали мальчика Петр Соколов, и было ему шестнадцать лет.

Остаток ночи прошел в пустых хлопотах: одно ножевое

ранение в область живота, но не проникающее, один повешенный, но без витальных нарушений... Но все это требовало времени и внимания, так что к восьми утра в воскресенье наша бригада была вымотана донельзя.

Нас меняли легендарные герои анестезиологи-реаниматологи, Витя Шмит и Вова Рваев. Витя – маленький, плюгавенький, похожий на Иудушку Головлева, с приплюснутым черепом и жиденькими волосиками, в очках на минус пять и вечно висячей соплей из одной (именно из одной) ноздри. Тридцати пяти лет от роду, всегда неряшливо одетый и непременно в шерстяных, вязаных носках во все сезоны, был он выпускником Одесского медицинского института и всегда любил повторять:

– Пацаны, когда вы еще сажались первый раз за студенческую скамью, я уже отвозил своих первых пациентов на старое еврейское кладбище.

Как он был неопрятен внешне, так же он был неопрятен и небрежен профессионально. Но зато постоянно на одесских понтах. Звали его все просто Кузя.

Агональное дыхание обгоревшего и истощенной его жены порождали чувство абсолютной безысходности и неотвратимости смерти.

Вова Рваев, выпускник Семипалатинского медицинского института, лет сорока, видно, был сильно опален последствиями испытаний на близлежащем ядерном полигоне. Он всем

походил на героя русских народных сказок Иванушку-дурачка: выходец из народа, интеллигент в первом поколении, он был смешон и постоянно попадал в дурацкие ситуации из-за своего желания казаться грамотным, начитанным и высокообразованным. Вова таскал с собой портфель с книгами по философии, математике, астрономии, также учебник грузинского языка (на фиг это нужно анестезиологу-реаниматологу). Однажды, подобрав ключик к его портфелю, мы выложили эти занятные книжечки и положили вместо них два кирпича. Вова мужественно таскал этот груз недели две. И однажды, придя утром на работу, застал его в ординаторской, стоящего посередине и державшего по кирпичу в каждой руке с явным намерением дать мне по башке этими красными кубиками.

– Вова! – закричал я. – Ты делаешь сразу две ошибки! – Я выскочил из ординаторской, захлопнув за собой дверь, удерживая там разъяренного Рваева. – Вова, ошибка первая – ты убиваешь абсолютно невинного! – продолжал орать я. – Вова, ошибка вторая – тебе дадут срок, и ты не сможешь вегетарианствовать на зоне, а также читать своих любимых авторов. Вова, одумайся!

Естественно, ни Вова, ни Кузя не испытывали ко мне симпатий. Но и между ними были не очень теплые отношения. Вова – единственный из врачей нашего отделения, кто запирает свой ящик в столе, храня там всякую дрянь и, конечно же, предметы гигиены. А на гигиене Вова был очень по-

мешан: пил только из своей кружки, больничную пайку ел только из своей посуды. Витя же, наш одесский раздолбай, никогда не носил с собой ни зубную пасту, ни мыло, а потом перестал носить и зубную щетку. Брезгливым человеком Витя не был, поэтому просто подобрал ключик к Вовину ящичку и стал пользоваться и его зубной пастой, и его зубной щеткой. Халявная гигиена длилась для Кузи года полтора, и, естественно, все мы об этом знали. Знали, но не молчали, а всякий раз хохотали по утрам после Кузиных дежурств, наблюдая, как Вова, наш сын трудового народа, тщательно перебирает предметы в своем ящичке, сетуя на влажность, не позволяющую высохнуть его зубной щетке. Когда Вова узнал о том, что вечно сопливый Кузя пользовался его щеткой, его бритвой, он слег и болел целую неделю. И еще месяц не разговаривал с нами.

Реанимация – это обитель горя и печали, из которой хочется побыстрее вырваться на волю, особенно в воскресенье.

И вот эти герои нас меняли. Воскресным утром мне страшно хотелось побыстрее покинуть нашу богадельню, наш приют для сирых и убогих, наш оазис горя и печали... Кузя тогда дежурил по реанимации, Вова по анестезиологии, хотя это деление было условно, ибо при поступлении в операционную более одного пациента в работу включался тот врач, который стоял на реанимации. И, наоборот, в

писании дневников в реанимации всегда помогал анестезиолог. В реанимации на тот момент было десять пациентов: пятеро были в коме и на искусственной вентиляции легких, но стабильны, остальные же готовились к переводу в отделения. Я доложил Кузе о прошедшей ночи, о летальном исходе, о том, что все документы на погибшего оформлены, родственники оповещены, труп отправлен в судебно-медицинский морг. Кузя, слушая вполуха и отпуская цинично-дебильные комментарии по ходу моего доклада, умудрялся при этом смотреть телевизор, читать газету и попивать чаек. Усталый и раздраженный донельзя, я, также попивая чаек, решил немножко привлечь внимание своего визави и как бы случайно, как бы не видя, наклонил свою кружечку – чаек весело понесся на Кузину промежность. Заорав, Шмит вот уж воистину обратил на меня все свое внимание. Матерясь и проклиная мою полоротость, он вскочил и кинулся к раковине замывать следы чайной катастрофы, остужая место попадания горячего (но, поверьте, не очень) чая. Под веселый аккомпанемент его проклятий и пожеланий я выскочил из госпиталя на волю.

Несмотря на весеннюю, солнечную погоду, я проспал, провалялся весь день на диване, смотрел телевизор и читал какую-то простую, не отягощающую литературу. Утром же, бодренький и готовый к новым подвигам, я явился в родной госпиталь.

Черная «Волга» начальника КГБ у входа в приемное отделение – это предвестник неприятностей.

Что-то было не так. У приемного отделения стояла черная «Волга» нашего начальника КГБ, рядом стояли люди в черном. Мужчины в черных костюмах и черных рубашках, женщины в черных платьях с накинутыми на голову черными платками – вся эта публика резко отличалась от обычных жителей нашего города, шахтеров и рабочих с заводов, своей неприкрытой элитностью и эмоциональной сдержанностью. Я поспешил в приемное отделение.

– Что это к нам с утра такая торжественная делегация? – спросил я ехидно у дежурной сестры. – Ктой-то нас покинул из мира сильных и отчего же это мне, начальнику реанимации-анестезиологии, не сообщили о столь значимом событии в жизни нашего госпиталя и, судя по присутствию машины начальника КГБ, полковника Шедырбанова, может быть, и всего Советского Союза.

– Ой, Артем Сергеевич, так вы же сами схоронили мужчину, сгоревшего на проводах. Это все по поводу его собрались.

Ба, чудны твои дела, Господи. Этот забулдон, этот люмпен, живущий в грязном нищем бараке, оказался-то королевских кровей! Ну, слава богу, там все было ясно, и ни один из судебных не кинет в нас камень. Ожог ста процентов тела третьей степени мог привести только к одному исходу.

«Тьфу, пронесло», – подумал я про себя.

Но, войдя в ординаторскую, понял – не пронесло, радовался я рано. На диване, как два суслика, сидели Вова и Кузя. На их лицах читались ужас и полное отрешение от реальности. Зато мой друг, толстяк и весельчак Богдан Ступка, сын репрессированных украинцев-западенцев, ржал, как конь, и приговаривал:

– Ну что, допрыгались-долетались? Готовьте сухарики, чемоданчики деревянные. Сейчас вас повяжут под белые ручки, и на Колыму... – Увидев меня Богдан продолжил: – И начальничка нашего тоже повяжут из-за вас, придурков лагерных. Но его по блату отпустят. Он же друг гэбистского начальника, он же его сосед. А вам, хлопцы, кирдык, все.

Хлопцы уже чуть ли не рыдали. И было странно смотреть на этих больших дядей, находящихся в состоянии, близком к обморочному, как после глубокого нокдауна.

– Богдан, прекрати, что случилось? – заорал я.

– Что случилось? А ты спроси у этих придурков.

– Я у тебя спрашиваю, кончай дурить.

– Тема, ты похоронил обожженного?

– Ну и что, там все было ясно, сто процентов нулевой исход.

– А может, ты скажешь, как его фамилия?

– Ну, Беркутов, ну откуда мне знать, что он с такими родственниками.

После этих слов Богдан еще пуще зашелся в смехе, а сус-

лики на диване уже чуть не рыдали.

– Тема, вчера в девять утра, после твоего ухода, один из этих уродов сообщил по телефону родственникам пацана-практиканта, что тот помер от несовместимой с жизнью травмы. Они раз пятнадцать перезванивали и переспрашивали про Соколова Петра, и эти мудаки все время отвечали, что тело и то, что от него осталось, можно завтра забирать и хоронить.

– Артем Сергеевич, хочу официально заявить, что я в это время был в операционной и никому ничего я не отвечал. Все вопросы не ко мне, – промямлил Вова, сын трудового народа.

– Ах ты, крыса, – опять заржал Богдан, – сдаешь подельника.

– Ни фиги, вместе на Колыму, вместе.

Теперь мне все стало понятно. Раздолбай Кузя проассоциировал Беркутова с Соколовым и, конечно же, все перепутал. Да, дела...

– Знаешь, кто родной дядя Петрухи Соколова оказался? – Богдан продолжил уже серьезно: – Замначальника КГБ Беларуси. Он сразу же вылетел в Москву, а оттуда к нам. Сейчас он с твоим друганом-сатрапом у начальника госпиталя. Представляешь, за сутки до нас добрался, шесть тысяч верст. А мой батька шесть месяцев ехал в «столыпинском». Начальника трамвайного депо уже арестовали. Памятник, могилу и гроб уже подготовили. Вот так, Тема, держись. Но са-

мое главное: ни родители, ни дядя, ни начальник госпиталя не знают о том, что малой жив. Так что дуй в административный корпус, а я тут этих преступников посторожу. А то или повесятся, или смоются, уроды.

Откуда мне знать, что у этого умершего такие родственники.

Я, конечно же, пошел. Я попросил секретаршу тихо вызвать из кабинета полковника Шедырбанова и объяснил ему, что произошло. Он вначале оторопел, затем побледнел, затем покраснел и вдруг зашелся в тихом истерическом хохоте. Тут уже побледнел я. Но Витя, отхохотавшись, махнул стакан воды и, ничего не говоря, вошел в кабинет к начальнику госпиталя. Через пятнадцать минут к нему зашел я. В кабинете сидело трое – двоих я знал хорошо, третий был дядей мальчика (в гражданском костюме, но, судя по всему, генерал-майор) и выглядел он удрученно-счастливо и торжественно. Я представился, мы пожали друг другу руки.

– Я все понимаю, – тихо сказал он, – будем считать это досадным недоразумением, никаких организационно-штатных мероприятий проводить не будем. С негодьями, я думаю, вы с начальником госпиталя сами разберетесь. А сейчас я вас очень прошу встретить мою сестру, маму Петруши, и проводить ее к сыну.

Я выскочил из кабинета, понимая, что все выше сказанное не есть индульгенция и что логика чекистов столь непонятна

простым смертным и столь извращена, что неизвестно, чего ждать.

Маму мы проводили к ребенку. Я боялся, что она от радости сойдет с ума. Но все обошлось. Нас не тронули. Начальник госпиталя не тронул меня, я же не тронул наших придурков, ибо боялся за их рассудок. При выбывании двух бойцов анестезиологов-реаниматологов в нашей сибирской глуши замену было бы найти трудно. Короче, воскресение в воскресенье.

Я не хочу умирать

Пронзительный детский крик из примыкающего к реанимации приемного отделения с шоковой палатой и экстренной операционной: «Мама, мамочка!!! Я не хочу умирать...» вырвал меня из сна. Взглянув на часы, а время было половина пятого, я понял, что удастся поспать еще часа два-три. Светлое раннее июльское утро окутывало волнами нежного, мягкого сна. «Хорошо, что дежурю по реанимации, а не по анестезиологии...» – подумал я, проваливаясь в nirvanу.

Но поспать удалось только до шести. В кабинет заведующего отделением, где я спал, ворвалась анестезистка и, крикнув: «Срочно в операционную!», исчезла. Благо я всегда спал в операционной пижаме и через минуту уже стоял в операционной.

В трепанационное отверстие выбухал, лопаясь, синюшный мозг. Нейрохирург Володька Крянцфельд стоял в стороне от операционного стола, подняв руки в перчатках, с накинутыми на них марлей, как в молитве. Анестезиолог Серега Пансков (похожий на Арамиса из «Трех мушкетеров» или же артиста, его игравшего) по прозвищу Белогвардеец за утонченность манер, внешний вид и золоченую оправу очков, имитирующую пенсне, в это время проводил непрямой массаж сердца и командовал анестезистке:

– Адреналин, атропин, хлористый, преднизолон. Все как

обычно при реанимации.

«Твою-то, Данила, мать. Влетели», – подумал я.

Я включился в работу, и совместными усилиями через двадцать минут нам удалось завести сердце. Операцию заканчивали на адреналине (и бригады, и постоянном введении его ребенку). Для ушивания трепанационного отверстия пришлось удалить часть мертвого правого полушария головного мозга, которое выбухало в рану и не давало закончить операцию. Ребенка удалось снять со стола живым (если это можно было назвать жизнью) и практически в терминальном состоянии перевести в реанимацию.

Это был первый раз, когда я явственно не только ощутил, но и по-настоящему увидел Смерть.

К восьми часам утра ситуация несколько стабилизировалась. Нам удалось вырвать ребенка из цепких когтей Смерти, но она все еще стояла рядом и злорадно смеялась мне в лицо.

Это был первый раз, когда я явственно не только ощутил, но и увидел Смерть. И если ранее я ее всегда чувствовал в критических ситуациях, то в тот момент я впервые увидел ее. Увидел каким-то странным, необъяснимым зрением, не глазами, а всеми своими чувствами. Впоследствии я всегда чувствовал и видел ее приход, но та, первая наша встреча запомнилась мне на всю жизнь.

Спустя много лет она впервые пришла ко мне вне работы.

Я проводил ночь у подружки, и вот, оказавшись на вершине блаженства, я вдруг увидел ее – Смерть. Она тихо вошла в спальню, неожиданно нежно окутала меня своими щупальцами (на пальцы это точно не было похоже) и медленно начала погружать в черный, теплый сумрак. Я не сопротивлялся, мне было хорошо и спокойно, и я понимал, что умираю. Но вдруг она отпрянула и мгновенно исчезла. Одурманивание моментально прошло, сознание стало абсолютно ясным. А на следующий день подружка рассказала мне, что ее бывший ухажер – известный криминальный авторитет, – зная о нашей встрече, послал бригаду киллеров, чтобы порешить нас. Они стояли на балконе и наблюдали за нашими любовными утехами. Сделав несколько снимков (интересно, как у них получилось через окно... или форточка была открыта?), они приготовились стрелять. Но, видимо, авторитета пробило на слезу, и он, позвонив браткам на сотовый, отменил приказ всего за мгновение до нажатия на курки. На следующий день сентиментальный авторитет приехал к своей бывшей – моей нынешней – возлюбленной и показал ночные фото, рассказав о возможном сценарии развития ночных событий.

Разбор операции на утренней конференции был тяжел и страшен. Антошка, семи лет от роду, катаясь на велосипеде, упал, набил шишку на темечке и, придя домой, конечно же, никому из родителей ничего не сказал. Часов в одиннадцать вечера он проснулся от страшной головной боли, переходящей в рвоту. Испуганные родители, не понимая при-

чину происходящего, сразу же вызвали скорую. Врачи детской бригады быстро выяснили истину и, поставив диагноз «закрытая черепно-мозговая травма», предложили родителям немедленную госпитализацию в специализированную травматологическую клинику. Антошке к тому времени стало значительно лучше. Головная боль практически прошла, рвота прекратилась, и перспектива попасть в руки врачей его совсем не радовала. Тем более что завтра с пацанами они собирались покатить на дальние пруды. Антошка начал умолять родителей никуда его не везти и оставить дома. Он обещал быть послушным, выполнять все указания мамы и врачей, но только чтобы его оставили дома. Он обещал с завтрашнего утра начать читать книжки, заданные на летнее чтение, прополоть грядки на огороде у бабушки и еще много чего... Уговоры прокатиться на машинке до больницы его абсолютно не заинтересовали, и он категорически отказывался от всех вариантов. Всех, кроме варианта остаться дома. Наконец, когда и папа, и мама пообещали, что поедут с ним и не бросят его одного, он согласился. В клинике у ребенка не нашли никаких неврологических расстройств, однако на рентгенограммах черепа определялся вдавленный перелом правой теменной кости. Опасность наличия внутричерепной гематомы и вдавленного перелома являлись абсолютными для этого показаниями для экстренной операции. Сочетание клиники начала заболевания и рентгенологических данных сподвигло Володьку Крянцфельда принять

это нелегкое решение. Рыжий и голубоглазый, он с немецкой педантичностью объяснял родителям о крайней необходимости экстренной операции. Володька понимал, что сама операция банальна, не калечащая, но спасительная для малыша в случае наличия у него внутричерепной гематомы. Компьютерных томографов в то время в клинике не было.

Банальное падение с велосипеда обернулось страшным диагнозом «закрытая черепно-мозговая травма».

Родители, обезумевшие от страха операции на головном мозге Антошки, своего ребенка, с трудом дали согласие на операцию. Мать, стоя на коленях и целуя Володьке руки, умоляла спасти единственного сына. Отец, находясь в другом кабинете, бледный и с синими кругами под глазами, качал заснувшего сорванца на руках.

По анестезиологии дежурил Белогвардеец. Манерный флегматик, любимец всех и вся, прекрасный теоретик, он был крайне бестолков в практической анестезиологии. Частые ошибки, осложнения, то, за что иных бы могли выкинуть с работы, прощались ему как-то легко и незаметно. Его любили все вокруг, кроме врачей нашего отделения, — мы-то знали истинную цену Арамиса.

Как только анестезистка повезла Антошку в операционную, я услышал тот разбудивший меня крик: «Мама, мамочка! Я не хочу умирать...»

**Кошмар встречи с родителями мальчика.
Как объяснить, что операция, проходившая как
обычно, окончилась трагедией.**

Все начиналось обычно и спокойно. Вводный наркоз, интубация трахеи, аппаратная вентиляция легких. Но после наложения фрезевого отверстия и вскрытия твердой мозговой оболочки нейрохирург увидел выпирающий наружу сине-черный мозг, одновременно почернела кровь в ране. Пансков, очнувшись от дремы, попытался нащупать пульс – его не было. Артериальное давление не определялось. Остановка. Пансков с анестезисткой начали закрытый массаж сердца, и только лишь тогда обнаружили, что аппарат искусственной вентиляции легких отсоединен от интубационной трубки. То есть ребенок попросту задохнулся от банальнейшей причины – шланг отсоединился. И если бы не нейрохирург, то еще вопрос, когда бы обнаружили смерть ребенка. Теперь-то мне стало понятно, отчего был такой сине-черный мозг, отчего было вспучивание мозга и некроз коры правого полушария.

Кошмар только начинался: предстоял разговор с родителями. Как им объяснить, что произошло с малышом? Пансков, пребывая в своей непробиваемой флегме и абсолютно не чувствуя своей вины, что-то блеял о тяжести травмы мозга. Его никто не слушал. Решили, что беседовать с родителями будут Крянцфельд и я. Они молча вошли в кабинет. Наши

ровесники, лет двадцати восьми. Мама, с большими карими глазами и русыми волосами, подстриженная под Мирей Матье. Папа, высокий, ростом под сто девяносто, спортивный, с голубыми глазами и шапкой черных кудрявых волос, похожий на цыгана. После первых наших фраз о тяжести травмы, особенностях развития вилочковой железы и аллергических реакциях они все поняли. Мама начала сползать по стенке на пол в беззвучном крике. Отец, схватившись руками за голову и раскачиваясь, тихо-тихо запричитал:

– Антошенька, Антошка, сынок...

Антошка умирал долго и мучительно. Его еще несколько раз брали в операционную, удаляя расплавленный мозг. Родители не выходили из больницы практически ни на час. За месяц они стали всем нам близкими людьми. И все мы чувствовали свою вину за преступление, совершенное Пансковым. Белогвардеец же спокойно ушел в отпуск и избежал всего того, что пришлось пережить нам в течение месяца медленного умирания Антошки. Его мать рассказала мне, что мальчик родился здоровым, но у нее в послеродовом периоде развился эндометрит с сепсисом, в результате чего ей удалили матку. Больше детей у нее не будет никогда. Антошка, ее единственный и любимый, умирал у всех на глазах, и ничего поделать с этим мы не могли. Отец мальчика за месяц похудел килограммов на двадцать и превратился в сутулого, седого старика с выцветшими глазами.

Антошка умер. Его родителей я больше не видел. Они не

подали в суд. А администрация больницы, избегая лишнего скандала, ограничилась лишь строгим выговором Панскову. Со временем Пансков уехал в другой город, стал руководить отделом реанимации-анестезиологии в крупной клинике, защитил докторскую. Но в сорок шесть лет его поразил рассеянный склероз, и он тихо ушел на пенсию по инвалидности. Что это, рок или расплата за содеянное, – известно лишь одному Создателю.

Боль

– Поставь, поставь же наконец-то мне кубик морфия, умоляю, поставь... – орал он жене, корчась от боли в верхней половине живота.

Боль была дичайшей и разрывала его всего, начиная с живота и кончая каждой клеточкой его измученного тела. Обострение язвы двенадцатиперстной кишки мучило его уже третий месяц, и ночные боли, достигающие апогея к середине ночи, изматывали его напрочь. Он с ужасом думал, что два флакона морфия сульфата по 50 миллиграммов могут когда-то закончиться, и тогда ужас более не позволит ему не только работать, но и жить. Жена категорически отказывалась делать ему инъекцию, чем приводила его в бешенство.

– Ты что, не понимаешь, что я сейчас загнусь, дура?! Дай мне немедленно морфий, я сам уколусь!

Жена же, проявляя непонятную ему тупость, пыталась его успокоить.

– Милый, любимый мой, я сейчас позвоню Виталию Николаевичу, пусть он приедет и разберется, в чем дело. Что, если у тебя наступает перфорация или пенетрация язвы, и морфием ты смажешь всю клинику? И тогда – перитонит, ты это хоть понимаешь?..

Но он ничего не хотел понимать – боль, становящаяся все более невыносимой, превращала его в существо, теряющее

разум. Он с ужасом думал, что очередного болевого приступа ему не пережить – сойдет с ума или просто умрет. Дикая внутренняя дрожь заставляла хаотично метаться по постели. Самым сильным сейчас было желание с диким криком убежать в ночь, на улицы темного города.

Разрывающий черепную коробку телефонный звонок был как удар электротока по обнаженным зубным нервам. Его пробило холодным потом.

– Любимый, звонят из клиники...

Собрав последние силы, он взял в руки телефонную трубку.

– Тарас Николаевич, доставили ребенка пяти лет, с травмой селезенки, прооперировали – удалили селезенку. Но через два часа после операции он скинул давление и дал остановку. Мы завели сердце сразу же и срочно подали его в операционную. Сейчас начинаем релапаротомию, за вами выслали машину.

– Хорошо, еду.

Он присел на краешек кровати, и слезы медленно покатались по щетинистым впалым щекам. Иссиня-черные круги под глазами делали его похожим на труп. Сердце бешено стучало, руки и ноги были ватными и не слушались его. Жена начала молча подавать одежду. Сама надела ему носки. Он, как в замедленной киносъемке, облачался в брюки, майку, вязанный свитер. Его мутило, тошнило. Периодически сознание уплывало в ночь. И он, с ненавистью глядя на жену, ду-

мал, что такого бессердечия, жестокости и предательства он ей никогда не простит. Вместо того чтобы сказать коллегам, что он тяжело болен и не может даже двигаться, она посылает его в морозную, зимнюю ночь, при этом не сделав спасительной инъекции. Нет, такое не прощается. А ведь она тоже врач, и как ей не понимать все происходящее с ним.

Он с ужасом думал, что очередного болевого приступа ему не пережить – сойдет с ума или просто умрет.

Машина пришла довольно быстро. В полушубке и валенках он спустился во двор. У подъезда стояла больничная «санитарка». Сесть в кабину он отказался, выбрав холодный грузовой отсек. Как ни странно, с каждой минутой боль потихоньку отпускала, и, когда он входил в операционную, мысли были абсолютно ясными. Только слабость периодически вызывала легкое головокружение и тошноту. Все, как всегда, было банально и трагично. В первые часы после операции с корня удаленной селезенки слетела лигатура, массивное кровотечение, остановка сердца. К моменту его прибытия ситуация оставалась еще нестабильной. Благо дежурный реаниматолог моментально уловил все нюансы происходящего – его правильные и грамотные действия спасли ребенка. В животе у ребенка было около семисот миллилитров крови. Артериальное давление стремилось к нулю и с трудом удерживалось на фоне высокого темпа введения рас-

творов и применения кардиотоников и вазопрессоров. Хирургам наконец-то удалось перевязать ножку удаленной селезенки. У анестезистки оказалась одинаковая группа и ре-зус крови с ребенком, так что пятьсот миллилитров свежей и теплой крови полностью стабилизировали ситуацию. Операцию заканчивали уже при устойчивом давлении и нормальном пульсе. К восьми часам утра ребенок пришел в сознание, но продолжал находиться на искусственной вентиляции легких. Все должно было закончиться благополучно.

А далее – обычный рабочий день, плановые наркозы, работа в реанимации и много-много черного кофе. В пять часов вечера, когда он уходил домой, ребенок дышал сам, был в ясном сознании и держался за руку сидевшей рядом с его кроваткой матери.

Дома он попросил у жены морфий и молча при ней вылил его в унитаз. Теперь-то он смог реально оценить все, что с ним произошло.

В декабре в составе команды из своего госпиталя он двадцать дней работал на землетрясении в Армении. Они работали совместно с бригадой врачей из Сиэтла. И когда американцы уезжали, они оставили им массу медикаментов, в том числе и флаконов десять морфия сульфата по 50 мг в каждом. Он забрал себе два. Тяжелейшая (и физически, и морально) работа, а также простуда подкосили его в последние два дня до завершения спасательных работ. У него страшно разболелись зубы. Армянские стоматологи, не мудрствуя

лукаво, удали два верхних коренных зуба. Но боль не только не утихла, но и еще более нарастала. Алкоголь и наркотики придушили ее лишь немного. И только по прилете, в родной клинике, ему поставили наконец-то верный диагноз: невралгия тройничного нерва. Иглоукалывание и специфические препараты сняли симптомы через неделю, но обострилась язва. Тогда он стал потихоньку подкалывать внутримышечно по кубику морфия на ночь. Но к вечеру язвенные боли обострялись – самолечение морфием затянулось на месяц.

Преодолевая страшную боль, он ехал глухой морозной сибирской ночью спасать маленького человечка.

В ту ночь жена все поняла. И неизвестно, как бы все закончилось, если бы не тот ночной вызов. Он просто переломался на сухую.

Кот

На переговоры в один из крупнейших банков Москвы (по поводу открытия кредитной линии на поставку химикатов в Африку) я решил поехать с Димкой. Мы вместе служили последние пять лет после московской академии, вместе увольнялись, вместе пришли в корпорацию. Он отвечал за техническую сторону сделки, я, как всегда, за финансовую схему – простую и старую, как мир. Сумма контракта была семь миллионов долларов США.

Африканцы выставляли нам аккредитив в любой из указанных нами банков, и, при выполнении поставки на условиях FOB, деньги автоматически становились нашими. При всех удачных слагающих мы зарабатывали около семнадцати процентов. Деньги проводились через нерезидента, так что после шести процентов налога в стране резидента и вычета всех слагающих (взятки африканцам и нашим чиновникам) мы получали порядка миллиона двухсот тысяч. Правда, было одно большое «но»: мы не могли воспользоваться деньгами на аккредитиве. Своих оборотных в таком объеме у нас, естественно, не было. А посему на время прохождения товара нам был нужен технический кредит на 28 банковских дней. Предварительные переговоры с банком были проведены, документы поданы в кредитный комитет, и нас пригласили на последнюю беседу с руководителем кредитного от-

дела.

Из-за стола переговоров встал человек, безумно похожий на Аркадия – brave майора, с которым я не раз пересекался в своей капитанской молодости лет пятнадцать назад. Он был храбр, умен, в совершенстве знал химию и, конечно же, химзащиту. Аркашка был бы первым кавалером гарнизона, если бы не изумительной красоты жена – вся ему под стать. А еще он был дипломатичен до тошноты и, видимо, поэтому и ушел от нас в военно-дипломатическую академию, или иначе ГРУ. Да, это точно был он. Но, господи, что делают с людьми годы и беды. Из статного красавца, с черной копной непокорных волос и отличной выправкой, Аркадий превратился в сутулого банковского червя с глубокими залысинами и печальными, как у бассета, глазами.

Бывшие офицеры на гражданке все равно что братья. И порой их теплые взаимоотношения непонятны гражданским «пиджакам».

Он моментально узнал меня, и мы молча сошлись в объяснении. У Димона отвисла челюсть. Это была «пруха», это было то, что называют удачей на всю жизнь. Судьба кредита уже не представлялась проблемной. Аркадий усадил нас за стол, я представил ему Димку. Разговор сразу же стал конкретным и теплым. Бывшие офицеры на гражданке все равно что братья. И порой эта теплота во взаимоотношениях некогда служивших вместе и встретившихся впервые за долгое время

людей непонятна гражданским «пиджакам».

Пройденный путь, гарнизоны, командировки, войны и лишения объединяли иногда сильнее, чем кровное родство. Офицеры в гражданской жизни часто чувствуют себя инородными телами и, конечно же, тянутся к подобным. Их прямота и четкость мыслей, обрубленность фраз, неременное «есть» в конце разговора гражданским часто представляется скудоумием и ограниченностью.

– Аркадий Львович, как вы живете, как вас занесло на такие высоты? – спросил я, подчеркнуто обращаясь по имени и отчеству. Аркадий вдруг моментально помрачнел, весь скукожился и начал свой рассказ.

Аркадию было необходимо прооперироваться, но он пока не мог лечь в больницу, не мог уйти из дома.

Десять лет назад при выполнении спецзадания, будучи уже полковником, Аркадий был контужен. Провалился в коме два месяца – сперва в ростовском госпитале, затем в 3-м госпитале в Москве. Реабилитировался год назад и был комиссован по инвалидности. Жена с детьми ушла через год после увольнения из армии, и Аркадий стал жить один. Он каждый день буквально вытягивал себя за волосы из постели, заставляя работать над собой, – так постепенно восстанавлилась речь, прошел парез в левой руке. Ребята из ГРУ отправили его на курсы банкиров, и вот уже восемь лет Ар-

кадий Львович служил верой и правдой в этом, не чужом для его спецслужбы, банке.

– Но, понимаете, ребята, – медленно и нудно продолжил Аркадий, – у меня подозревают рак предстательной железы. Через неделю я должен лечь в госпиталь для проведения операции... – Слеза медленно катилась по его желтоватой морщинистой щеке. – Вы, как мужчины, конечно же, поймете меня...

Наступила пауза. И тут, вместо речи о возможной потере потенции после такой операции, мы неожиданно услышали:

– Понимаете, со мной живет четырнадцатилетний кот – последний год он страдает сахарным диабетом и вот-вот умрет. Мне приходится каждый вечер делать ему инъекции инсулина. Я не могу лечь на операцию, я должен, я должен... – И слезы покатались уже ручьем из его глаз – когда-то ярко-лучистых, а ныне выцветших и погасших голубых глаз. – Я должен проводить моего дружка в мир иной, должен...

Мы с Димоном, выдавшие много смертей, страшных и нелепых, буквально оторопели. Слезы душили меня. Я схватил открытую бутылку минералки и залпом выпил ее до дна.

Спустя сорок минут мы покинули банк. Аркадий пообещал, что последнюю свою банковскую операцию он посвятит нам и во всем поможет. Он умер на сутки раньше своего кота.

Сашка

Поверь, в этом нет никакого ерничества, это действительно и жалостливая и одновременно страшная история. Короче, слушай.

Я – молодой доктор анестезиолог-реаниматолог, усталый и измотанный ежедневной работой и десятью-двенадцати ночными дежурствами (хотя тогда я абсолютно не чувствовал себя усталым и тем более измотанным).

Я постоянно был на подъеме. У меня, молодого врача, было всего два года после интернатуры за плечами, но я уже возглавлял всю анестезиологическо-реанимационную службу нашего маленького стотысячного городка, утопающего в тайге среди гор и речек. Без сельского района, но зато в окружении зон и воинских частей, раскиданных в горной Шории и Хакасии. Зона ответственности – район в радиусе трехсот-четырехсот километров.

Вместе со мной в отделении работали еще четыре анестезиолога-реаниматолога. Первый был тихим алкоголиком в стадии деградации. Другой – сумасшедшим, уже двадцатый год собирающим самолет, постоянно меняющим жен, при этом переезжающий с квартиры на квартиру и каждый раз перетаскивающим с нашей помощью пианино и мотор от «Ан-2». И все почему-то переезжал он с пятого этажа на пятый, конечно же, в разных домах, а лифтов в нашем городке

отродясь не было. Следующим был парень старше меня на два года, абсолютный пофигист и страшный лодырь. Его жена была завмагом, и посему он принадлежал к элите городка. На работе он старался не париться. Мало дежурил и все чаще брал больничные по причине подорванного здоровья неумным жранием колбасы и тушенки (продуктов, которые в те времена считались страшным дефицитом и делили общество на классы способных и неспособных их доставать). Четвертым был Ваня... Не знаю, что про него сказать, – он был никакой. И сейчас, по прошествии лет, я не могу что-либо вспомнить об этом полудебильном, тихом, сером тридцатипятилетнем парне, единственном выходе из алкогольно-трудовой семьи в высшее образование. Вот такая славная команда была доверена мне на второй год после окончания интернатуры. Мне было всего двадцать четыре, и, очевидно, выбор руководства местного здравоохранения пал на меня от полной безысходности.

Проводя основную часть своей молодой жизни в больнице, я настолько вошел в этот график постоянного в ней пребывания, что редкие выходные казались страшно тревожными и неудобными. И каждый экстренный вызов на работу приносил облегчение и успокоение. Те годы сейчас ассоциируются у меня со сплошной ночью, кричащими детьми, пьяными мордами избитых и резаных местных жителей, ночными операциями, но все это – на моем физическом и духовном подъеме. Порой, проведя всю ночь в операционной и

поспав всего пару часов утром, я как ни в чем не бывало шел в операционную на плановые наркозы, в палаты реанимации. Вечером шел домой, спал часов семь и опять, по новой, на полтора суток. Вот силы-то было немерено. Сейчас в это просто трудно поверить, но это истинная правда.

В начале карьеры редкие выходные казались страшно тревожными и неудобными. Поэтому экстренные вызовы на работу приносили облегчение и успокоение.

Промозглая осень, октябрь, короткий день и длинная ночь, холод собачий, покрытые облаками горы, со всех сторон окружающие городок, грязь и серость, темные неосвященные улицы... И бесконечное дежурство, переходящее из дежурства в стационаре в дежурство на дому. В тот вечер, вернувшись домой после очередного «марафона» (так мы называли двух с половиной суточное пребывание на работе), отупевший от недосыпания и слабо воспринимающий окружающих, я попытался заснуть. Но чувство тревоги, чувство какого-то «гона» не проходило. Уже тогда я стал слышать внутри тонкий, надсадный звон струны, как предвестник надвигающихся экстремальных событий. В то время я еще не осознавал, что значит этот звук, словно кто-то зажал одну ноту. Только спустя несколько лет я понял, что это предзнаменование, и посылающий его мне еще ни разу не ошибся. Сон упорно не шел, и звонок в дверь оказался окончанием

недосказанности ситуации.

– Артем, тебя с работы, – сказал сосед дядя Миша. Мне поставили служебный телефон только спустя три месяца после этих событий – до этого связь со мной осуществлялась посредством домашних телефонов соседей или посылкой скорой.

– Артем, привет. – В телефоне звучал голос главного хирурга Володи Гаштыкова.

– Привезли четырехмесячную девочку с тяжелой черепно-мозговой травмой, твои мудаки уже час не могут поставить подключичный катетер, а девочку надо срочно брать в операционную. Короче, я послал за тобой машину, и не хрен вылеживаться, когда тут такие дела. Хорошо?

Изумительный хирург – хирург от Бога – Володя имел лишь один недостаток. Он был страшным матерщинником. И странно было видеть его, всегда безупречно одетого в цивильный костюм или в операционную форму, со строгими, интеллигентными чертами лица, в очках в тонкой золотой оправе, и при этом слышать от него отборный мат, органично вписывающийся в его речь.

Десять минут по темным, дождливым улицам – и вот я в родной стихии. Вокруг реанимационной койки стояла вся дежурная бригада – главный хирург, заведующий детской хирургией, заведующий травматологией. Ситуация была критическая.

Две четырехмесячные девочки-близняшки остались дома

с папой, в то время когда мама выбежала в магазин за продуктами. В магазине была очередь, папа был с похмелья, а девочки громко плакали. Папа, раздраженный головной болью, постоянной бедностью на грани нищеты, желанием покоя и выпивки пытался успокоить крошек, качая и матерясь. Но затем его терпение лопнуло, и он, схватив одну из близняшек за ноги, хлопнул ее головой об стол. В это время в квартиру входила мать девочек, наконец-то купив кой-какой снеди. Последние мгновения трагедии разворачивались на ее глазах. Девочка сразу же успокоилась, перестала кричать и вообще двигаться. Мама в то же мгновение потеряла сознание и рухнула у входа в комнату. Папашка, моментально протрезвевший, кинулся поднимать жену. Она очнулась и со слезами бросилась к малышке. Девочка еще дышала, но без признаков сознания. Мать с криком ринулась к соседям, вызвали скорую. Их всех троих привезли в больницу – мать побоялась оставлять вторую близняшку с извергом-папашей. И вот теперь крошка лежала перед нами с признаками нарастающей дислокации головного мозга на фоне, по всей видимости, внутричерепной гематомы. Нужно было срочно делать трепанацию черепа.

Отец, схватив крошку за ноги, ударил ее головой о стол.

Через пять минут я поставил крошке подключичный катетер, и мы поехали в операционную. Осторожно заинтуби-

ровав трахею и начав искусственную вентиляцию легких, я боялся остановки сердца в любое мгновение. Но Бог милостив и девочку, и меня, и мы благополучно проскочили самый трудный момент – момент вводного наркоза. На операции действительно была обнаружена гематома левого полушария, которую успешно удалили. Гемодинамика во время операции не колыхнулась, кровопотеря была незначительной. Потом мы опять оказались в реанимации. Предстояли новые этапы в лечении нашей крошки – интенсивная терапия и выхаживание, – на любом из которых мы могли ее потерять. Все осложнялось тем, что девочка была из двойни – рождена с весом два килограмма, пять баллов по шкале Апгар, находилась на искусственном вскармливании с первого месяца. И, конечно же, в свои четыре месяца она отставала по развитию месяца на три. Бедная, замученная мамочка встретила нас с рыданиями. В свои неполные тридцать лет она выглядела на все пятьдесят и казалась не матерью, а бабушкой близняшек. Но девочка была розовенькой, спала в наркозе, аппарат искусственной вентиляции легких мерно работал, и ее мама постепенно успокоилась. Через три-четыре часа после операции мы отправили ее со здоровой дочкой домой на скорой. К этому времени ее супруг уже сидел в каталожке и превращался в «опущенного», о чем не преминули нам сообщить ребята из горотдела.

Девочку звали Саша. Мне пришлось провести с ней еще двое суток, не выходя из отделения. На третий послеопера-

ционный день Сашка пришла в сознание. Стала самостоятельно дышать, и мы отключили ее от аппарата искусственной вентиляции легких. К счастью, никаких грубых неврологических расстройств у девочки не было. Она вовсю двигала ручками и ножками, гукала, сосала соску и восстанавливалась просто по часам.

Ее мама, увидев, что девочка окружена достаточным вниманием и находится среди нормальных людей, наверное, впервые за многие месяцы отоспалась и приняла более-менее нормальный вид. Она каждый день приходила со второй близняшкой и по несколько часов проводила в палате рядом с Сашкой.

На десятые сутки пребывания в реанимации она пришла ко мне на беседу.

– Доктор, а может быть, если все обошлось, не будем сажать Кольку, мужа моего?

Я оторопел.

– Доктор, ну как я справлюсь одна с двумя-то малышами? А он-то хоть какие-никакие деньги, но приносит. Давайте, доктор, напишем, что Сашка сама слетела с кровати. Я уже поговорила в милиции.

Я моментально набрал телефон следователя горотдела. В городке все врачи, учителя и милиционеры знали друг друга.

– Никита, ты что, хочешь отпустить нашего детоубийцу?

– Опустить? Так мы его давно опустили, с первых часов на «хате».

– Извини, Никит, а то тут сердобольная жена ересь порет, что вступила с вами в сговор. Хочу заметить, не вполне законный, а где-то даже и преступный.

– Так, Артем, щас мы и ее примем за клевету и за преступный сговор с мужем в истязании детей. Так ей и передай.

Я объяснил не в самых лестных фразах этой замученной и олигофреничной женщине, чем грозят ей последующие ходатайства о спасении мужа и какая она после этого мать. Из благодарной и счастливой женщины она моментально превратилась в затравленного зверька и смотрела на меня так, будто это я разрушил ее семейную идиллию (если она знала это слово), покалечил дочь и посадил мужа. На следующий день мы перевели Сашку в детскую неврологию.

Мать больше к ней не приходила. Через два месяца она написала отказ от ребенка в связи с трудным материальным положением и невозможностью одной воспитывать двух девочек, одна из которых инвалид.

Сашка умерла в возрасте года и двух месяцев в детском доме от прогрессирующей гидроцефалии и атрофии коры головного мозга.

Два вертолета

В жизни их, этих вертолетов, было много: и счастливые, и военные, и горящие, и «двухсотые» – но запомнились первые два. Те два вертолета из мирной жизни времен Советского Союза и молодости.

I

Больных в реанимации было мало, все стабильные, плановые наркозы отменили, и ничего не должно было помешать праздничному концерту, подготовленному мужским составом нашей больницы для наших профессиональных спутниц в честь Восьмого марта. Вся фишка заключалась в том, что мной и моим другом травматологом Володей Кругленьким был подготовлен номер, а именно – хор врачей-мужчин с исполнением знаменитой хоровой песни «Вечерний звон». Запевал самый безголосый, с полным отсутствием музыкального слуха, единственный оперирующий уролог на весь район Вова Замазов. Черный, похожий на цыгана, раздолбай, с полным ртом золотых зубов, охотник, балагур – он, как никто, подходил на роль запевалы.

Я знал его еще со времен своей субординаторской практики после четвертого курса. Неделю, по плану практики, я

сидел с ним на урологическом приеме в поликлинике. Однажды к нему на прием пришел пациент, шахтер, видно, хороший его знакомый.

– Владимир Аксентьевич, ну вот съездил, как вы сказали, в область. Пропил то, что они прописали. Но все равно не стоит. Хоть воймя вой, не стоит, и все. Жена или спутается с кем-нибудь, или из дому выгонит.

Так говорил этот бедолага, богатырского телосложения красавец, и в карих, больших глазах отражались вселенская тоска и печаль.

– Петрович, – ехидно улыбаясь своей золотой улыбкой, спросил красавца Замазов, – а ты женишенем пользовался? Порадуй жену ко Дню шахтера.

– Владимир Аксентьевич, уж год его пью, все без толку.

– Э, Петрович, ко Дню шахтера открою тебе страшную тайну. Его не пить надо, а привязывать к окаянному отростку, и тогда по-нашему, по-шахтерски-то жену... А, Петрович?

Я думал, что сдохну от смеха, но смеяться было нельзя. Это было бы расценено как надругательство мальчишки-практиканта над инвалидом, поэтому я по стеночке выполз в процедуру.

Именно с этого случая я на всю последующую жизнь понял, что нельзя точно планировать ни праздники, ни отдых. И вообще – ничего нельзя

планировать вне работы.

Дирижировать нашим хором должен был заведующий травматологией Пантелеймон Петрович Шанин. Был он разительно похож на актера Евгения Леонова, того самого, который сидел в тюремной камере на столе и рвал на себе майку, крича «моргалы выколю!». При такой неординарной внешности для врача был Пантелеймон Петрович изумительным травматологом, в совершенстве владеющим и аппаратом Елизарова, и гипсом, и всеми травматологическими прибаамбасами. И не было лучшего шахматиста в городе, чем наш Шанин. Очень часто к нам в больницу заглядывал прокурор города, Щетинин, и засиживался за партийкой в шахматы у Пантелеймона до позднего вечера. Да, ростом наш дирижер был ровно сто пятьдесят пять сантиметров при весе килограммов этак сто.

Итак, наш номер был где-то посередине концертной программы. После концерта всех ждал банкет в столовой, с танцами, плясками, флиртами и далее — уж как кому повезет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.